

УДК 821.161.1'27-95''19-20''

**ЭЛИТАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРИЯ XX–XXI ВВ.)**

А.В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Курьянович Анна Владимировна, д-р филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и стилистики историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета.

E-mail:

kurjanovich.anna@rambler.ru

Область научных интересов: функциональная и коммуникативная стилистика текста, теория эпистолярного текста и эпистолярного дискурса, лингвоперсонология, психология речевого общения, юрислингвистика.

Исследование выполнено в рамках лингвоперсонологического и дискурсоориентированного подходов с опорой на последние достижения в области функциональной и коммуникативной стилистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, жанроведения и прагмалингвистики. В качестве эмпирической базы выступают частные письма представителей русской творческой интеллигенции – художника, оперного певца, композитора, патриарха, поэтов, публицистов, ученых, актеров, в большинстве своем не изученные в лингвистическом отношении. Работу отличает динамический аспект рассмотрения заявленной проблематики на протяжении значительного исторического периода – XX–XXI вв. Сказанное определяет актуальность статьи. Цель исследования – создание инварианта языковой личности, принадлежащей элитарному типу речевой культуры. В связи с этим используются такие методы, как прием моделирования, комму-

никативно-прагматический и сопоставительный анализ. В результате осуществленного исследования на основе определенных дискурсивных параметров создана модельная элитарная языковая личность, особенности коммуникативного поведения которой эксплицируются в конкретных ситуациях личностно ориентированного эпистолярного общения. В качестве вывода приводится перечень инвариантных свойств обозначенного типа языковой личности: рефлексивность сознания, особенно заметная в ситуациях осмысления роли творца в социуме, высокий уровень коммуникативной компетентности и риторического мастерства, открытость дискурсивных проявлений.

Ключевые слова:

Языковая личность, элитарная языковая личность, эпистолярный дискурс, эпистолярные коммуникативные универсалии, моделирование, русская интеллигенция.

Человеческая личность и, следовательно, каждый единичный человек, есть возможность для осуществления неограниченной действительности, или особая форма бесконечного содержания.

В.С. Соловьев. Оправдание добра

Модель есть воплощение определенной структуры на том или ином материале, в том или ином субстрате.
А.Ф. Лосев. Введение в общую теорию языковых моделей

В современной лингвистике, антропоцентрической по своей характеристике, известны различные подходы к изучению *языковой личности* (далее – ЯЛ), определяющие статус существования последней в рамках *лингвоперсонологии* (см. исследования Г.И. Богина, А.А. Ворожбитовой, Н.Д. Голева, В.Е. Гольдина, Е.В. Иванцовой, Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака, К.Ф. Седова, О.Б. Сиротининой и др.). Общая суть, к которой сводится содержание основных современных представлений о наполнении ключевого термина, состоит в рассмотрении в качестве ЯЛ человека, владеющего языком и использующего его как средство

формирования и выражения мыслей для достижения определенных целей в разных сферах коммуникации.

К настоящему моменту развития антропологической лингвистики уже много сделано в плане изучения индивидуальных и коллективных речевых портретов ЯЛ, рассматриваемых в свете возрастных, гендерных, профессиональных, социальных, культурно-исторических, этнопсихологических и других аспектов. Исследователями предложены многочисленные концепции, осмысляющие с разных сторон феномен ЯЛ и вопросы ее типологии, построенные на основании различных критериев.

ЯЛ изначально зародилась и постоянно существует в пространстве культуры, следовательно, чрезвычайно актуальной является проблема ее описания с точки зрения отнесенности к определенному типу речевой культуры (В.Е. Гольдин, И.А. Иванчук, Л.П. Крысин, Г.П. Нешищенко, О.Б. Сиротинина, Н.И. Толстой и др.). В основе понятия *речевая культура* лежит представление о сущности языка как способе отражения картины мира нации. Языковое сознание носителей разных речевых культур отличается степенью развития и, как следствие, «своим» набором когнитивных структур и шире – концептуальных систем, обуславливающих особенности их мировидения и совокупности ценностных ориентиров. В вопросе типологизации ЯЛ в аспекте принадлежности определенному типу речевой культуры наиболее обоснованной видится точка зрения В.Е. Гольдина и О.Б. Сиротининой. Ученые выделяют *элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный (литературно-жаргонизирующий), фамильно-разговорный (обиходный)* типы речевой культуры [1]. Несмотря на бесспорную значимость в контексте лингвоперсоналогических исследований многоаспектного изучения всех обозначенных типов ЯЛ, стоит акцентировать мысль о том, что риторика в своих ценностных рекомендациях всегда опиралась на элитарную культуру. Следовательно, вопрос об особенностях речевого поведения *элитарной языковой личности* (далее – ЭЯЛ), проявляемых в дискурсивных практиках разной жанрово-стилевой направленности, осмысливается как наиболее значимый и своевременный.

В научной литературе последних лет складывается традиция комплексного изучения носителя элитарной речевой культуры в разного рода дискурсах (С.И. Виноградов, А.А. Ворожбитова, В.В. Дружинина, Е.А. Земская, И.А. Иванчук, Ю.Н. Караулов, Т.В. Кочеткова, Л.П. Крысин, Т.В. Романова, О.Б. Сиротинина и др.), а также предпринимаются попытки осмысления феномена ЭЯЛ в научно-теоретическом плане (Г.Г. Инфантова, И.С. Карабулатова и др.). Ученые едины во мнении: носителями языка данного типа в совершенстве освоен культурно-исторический опыт своего народа, в речевом поведении они придерживаются большей степени строгости следования «культурной рамке общения» (С.И. Виноградов).

ЭЯЛ свободно владеют кодифицированными языковыми, этическими, коммуникативно-прагматическими и риторическими нормами литературного языка, целесообразно и творчески используют возможности функциональных стилей, речевых жанров, специфических свойств устной и письменной форм речи. Данный тип речевой культуры «наблюдается среди людей с высшим образованием» и «самым высоким уровнем общей культуры» [2. С. 344]. Овладению элитарным типом речевой культуры способствуют особенности воспитания и обучения, характер профессиональной деятельности, «требующей социальной активности и много-рольности» [Там же. С. 344]. Главная составляющая в психологическом портрете ЭЯЛ – это абсолютная степень свободы, характерная для данного типа личностей и реализуемая ими в плане своего интеллектуального и духовного развития.

Речевое поведение ЭЯЛ отличается «очень осторожным и всегда целесообразным применением внелитературных средств» [Там же. С. 344], демонстрацией богатства словарного запаса, активным использованием разнообразной палитры речевых жанров, творческим подходом в использовании языковых фактов (лингвокреативностью), способностью к рефлексии относительно собственных / чужих речевых действий в рамках метакомментариев.

Т.В. Кочеткова полагает, что развитую ЯЛ характеризует «владение системой языка, его грамматическими и лексическими нормами; социальными нормами употребления речевых произведений на уровне сферы общения, темы, стиля, жанра; построением и восприятием сло

жных текстов; владением ролями говорящего и слушающего, социальными и психологическими ролями партнерства в общении; прагматическими законами общения в разных кооперативных и конфликтных коммуникативных эпизодах (для выхода из последних); этическими и этикетными нормами статусных и ролевых позиций» [3. С. 8].

И.А. Иванчук в качестве определяющего критерия принадлежности ЯЛ к элитарной речевой культуре рассматривает *риторическую компетентность* – совокупность знаний и умений в области коммуникативного поведения личности в различных условиях общения в целях его оптимизации, требующую реализации определенной степени культурного потенциала и творческих способностей [4].

Для элитарных носителей языка речевая коммуникация способствует реализации ключевой потребности в удовлетворении «взаимной нуждаемости людей друг в друге» (В.М. Бехтерев), хотя немаловажными при этом остаются и другие виды потребностей: самореализация, самоутверждение, контактоустановление, утоление информационного «голода», воздействие и пр. При этом демонстрируется владение *кооперативным* типом коммуникативной стратегии [Там же. С. 55], что позволяет квалифицировать данный тип ЯЛ как преимущественно интерактивный, неконфликтный, успешный и «удобный» в коммуникации с любым речевым партнером. Н.С. Болотнова видит в основе подобного коммуникативного поведения стремление к «гармонии понимания» и «эмоциональному созвучию», «способность контактировать», «силу таланта» [5].

Одним из наиболее важных вопросов видится разработка критериев отнесенности ЯЛ к высшему типу речевой культуры. И.А. Иванчук, например, выделяет следующие: 1) высокий уровень общей культуры, нравственных, этических принципов и норм общения; 2) принадлежность к гуманитарной сфере и к тем, для кого слово является инструментом повседневной практической деятельности; 3) привычка и опыт публичных выступлений; 4) следование ортологическим нормам русского литературного языка, т.е. владение речью «правильной» и «культурной» (В.В. Колесов) [4].

Исследование особенностей дискурсивного поведения ЭЯЛ, согласовывающей свою речевую деятельность с требованиями успешного, эффективного взаимодействия и рассматриваемой в этом плане в качестве образцовой, наиболее приближенной к реализации «идеала языка» (Г.О. Винокур) и «идеальной нормы» (Е.Н. Ширяев), является особенно актуальным и своевременным сегодня, в условиях абсолютной свободы слова, обуславливающей ситуацию потенциальной разрешенности инвективы и ее массового употребления в практике межличностной коммуникации. В современном обществе наблюдается тенденция к сокращению носителей элитарной речевой культуры и рост «реальных пользователей», развивается «чисто утилитарное потребление языка» (Г.А. Золотова). На этом фоне чрезвычайно востребованным и злободневным видится изучение модели эталонной («высокоразвитой», по Г.И. Богину) национальной ЯЛ в ее конкретных текстовых воплощениях в условиях дискурсов разных типов.

Речевую культуру общества во всей полноте проявлений и разнообразии типов, включая элитарную речевую разновидность как наиболее яркую, отражает *эпистолярный*, интерес к которому со стороны лингвистов заметно вырос в последнее время (см. работы А.А. Акишиной, Н.И. Белуновой, Н.Ю. Бусоргиной, Н.В. Глухих, Н.А. Ковалевой, Л.В. Нижниковой, Е.В. Поляковой, Н.В. Силаевой и др.). В русле нашей концепции данное понятие характеризуется строгой *дискурсивной* обусловленностью и определяется как совокупность текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности, за которыми стоит одна и та же ЯЛ автора, рассматриваемых в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования [6. С. 4].

Эпистолярный рассматривается нами как дискурсивная единица, отличающаяся не только совокупностью тематических, композиционных и стилистических особенностей (согласно жанровой концепции М.М. Бахтина), но и целым комплексом культурно значимых особенностей. Письма являют собой тот «конвенциональный контекст» (Н.А. Ковалева), который в полной мере характеризует не только коммуникативные, когнитивные, лингвистические, но и социокультурные способности участников данной сферы коммуникации.

Проблема особенностей вербального поведения ЭЯЛ в пространстве эпистолярной коммуникации в современной исследовательской литературе представлена недостаточно.

Письма эталонных ЯЛ (ученых, писателей, театральных и публичных деятелей) не раз становились предметом разноаспектного анализа, однако речи об их авторах как представителях элитарной речевой культуры не шло, хотя это во многих случаях подразумевалось. Например, авторитетный в области изучения эпистолярного ученый Н.И. Белунова, анализируя в цикле статей специфику дружеского письма творческой интеллигенции XIX – начала XX веков, отмечает, что «творческая интеллигенция была носителем элитарной речевой культуры, что проявлялось прежде всего в особом языковом вкусе, в простоте и живости построения фразы, в явном самоконтроле речевого поведения. Именно в дружеских письмах, характерной чертой которых являются «раскованность», содержательная свобода, доверительно-дружеские отношения между коммуникантами, прежде всего раскрывается «секрет» использования языка, обнаруживается система речевых предпочтений» [7. С. 78].

На наш взгляд, ценность выделения и анализа ЭЯЛ, репрезентирующей себя на уровне вербального поведения в различных типах дискурсов, в том числе эпистолярном, состоит не столько в демонстрации и доказательстве индивидуальности и харизматичности этой ЯЛ, сколько в рассмотрении ее в качестве *модели* («комплексного метазнака», по В.А. Жеребкову), репрезентирующей исторически сложившуюся этноязыковую картину мира, речеповеденческий эталон и культурное самосознание нации. При этом ключевым свойством сознания ЭЯЛ является возможность воплощения в его рамках общекультурного потенциала нации в определенный срез исторического времени и одновременно его накопление в истории, а вследствие этого – анализ модели ЭЯЛ с позиций соответственно *синхронического* и *диахронического* анализа. Подобный подход предлагает В.И. Карасик, отмечающий, что современная наука сосредоточилась преимущественно на двух аспектах изучения ЯЛ: *статическом* и *динамическом*. Если первое направление занимается характеристикой уже сложившейся ЯЛ во всем ее многообразии, то второе сосредоточилось на исследовании ее становления, формирования [8].

Специфика нашего подхода определяется *дискурсивным* и *динамическим* аспектами, позволяющими изучить особенности коммуникативного, в том числе речевого, поведения модели ЭЯЛ в рамках ее эпистолярной деятельности, во-первых, с учетом широкого социально-политического, экономического и духовно-ментального контекста, во-вторых, на протяжении значительного промежутка времени (XX – начала XXI вв.). В этом отличие описанной нами модели ЯЛ от предложенных ранее концептуальных моделей ЯЛ, имеющих уровневую организацию, обладающих высокой степенью научного обобщения, однако статичных и не привязанных к определенному типу дискурса (Г.И. Богин, 1984; Ю.Н. Караулов, 1987; В.И. Карасик, 2002, и др.).

В качестве ЭЯЛ, осуществляющей коммуникативную деятельность посредством эпистолярных текстов, в первую очередь понимается адресант, представляющий определенный тип ЯЛ. Речь идет об авторах – представителях русской творческой интеллигенции XX – начала XXI вв., эпистолярные дискурсы которых отличаются многообразием тем, идей, богатством речевых, в том числе стилистических, средств. Наше внимание привлекли письма известных во всем мире личностей (всего порядка 5000 текстов, значительное количество которых объективирует результаты моделирования), чье творчество составляет национальное достояние и соотносится с определенным этапом в развитии отечественного эпистолярного искусства: художника М.В. Нестерова, оперного певца Ф.И. Шаляпина, ученого-естественника В.И. Вернадского, поэтессы М.И. Цветаевой (первая треть XX в.); литературоведа Ю.М. Лотмана, композитора Д.Д. Шостаковича, поэта, актера, барда В.С. Высоцкого, патриарха Алексия I (1940–1980-е годы XX в.); писателя-публициста В.П. Астафьева, ученых-филологов М.Л. Гаспарова и Д.С. Лихачева, актрисы А.С. Демидовой (конец XX – начало XXI вв.) [6]. Выбор ЯЛ обусловлен следующими факторами: 1) принадлежностью к элитарному типу национальной речевой культуры; 2) публичным статусом; 3) соответствием эпистолярного дискурса определенному этапу русского эпистолярного искусства, языка и общества; 4) неординарностью натуры, оригинальностью мышления, индивидуальностью стиля; 5) доступностью в печатном виде и верифицированностью печатных/электронных источников публикации эпистолярного наследия.

Отметим, что в половине случаев анализируются эпистолярные тексты авторов, профессионально не участвующих в литературном процессе и не работающих со словом. Однако огромный творческий потенциал, высокий уровень коммуникативной компетентности и обостренное чув-

ство языка авторов позволяют дать их письмам высокую оценку. Адресанты рассматриваемых писем манифестируют особенности коммуникативного поведения носителей языка элитарного типа. Учет принадлежности указанных авторов к разным видам деятельности и их разносторонних профессионально обусловленных взглядов и интересов, находящих отражение в текстовой деятельности авторов, позволяет создать модель ЭЯЛ в наиболее полном, универсальном виде.

Приступая к моделированию инварианта ЭЯЛ в рамках эпистолярного дискурса, необходимо оговорить два момента. Во-первых, речевое поведение ЭЯЛ в пространстве эпистолярной коммуникации, обусловленное особым типом языкового сознания и отношения к языку, отличается особой риторической организацией, установкой на эффективную коммуникацию, ориентацией на национальные традиции общения. Это проявляется в наличии у каждого автора *эпистолярного идиостиля* – индивидуально-авторских особенностей мировидения и текстовой деятельности, отраженных в эпистолярном тексте как форме коммуникации. Во-вторых, *образ адресанта*, согласно выделенным нами эпистолярным коммуникативным универсалиям [б. С. 13], является *персонифицированным*: его личностные характеристики, физическое самочувствие, психологическое состояние в значительной степени обуславливают особенности протекания эпистолярной коммуникации. Повествование, как правило, ведется от первого лица, что придает общению личностно ориентированный характер, а письма позволяют причислить к разряду «антропотекстов» (Н.Д. Голев). Дистанцированный характер эпистолярного взаимодействия также стимулирует потребность автора письма компенсировать отсутствие непосредственного общения информацией о себе «из первых рук». Отмечая данные моменты, акцентируем, что они допустимы, поскольку не вступают в явное противоречие с возможностью построения на основе анализа эпистолярно-дискурсивных проявлений конкретных ЭЯЛ инварианта в целях реализации исследовательских задач различного содержания и направленности.

В качестве основных *дискурсивных параметров* в процессе моделирования эпистолярной ЭЯЛ нами выделены: 1) статусно-ролевая характеристика адресанта; 2) направленность авторского целеполагания; 3) идейно-тематическое содержание писем; 4) тип эпистолярного текста; 5) тип адресата; 6) функционально-стилистические свойства эпистолярного дискурса; 7) особенности использования речевых, в том числе стилистических, а также графических средств.

Рассмотрим каждый из этих факторов, обуславливающих специфику конститутивных черт инварианта ЭЯЛ в рамках русского эпистолярного дискурса XX–XXI вв.

1. Тип адресанта – *представитель русской творческой интеллигенции* – составляет особую разновидность категории автора эпистолярного текста, имеющую национальную обусловленность. Это касается всех трех рассмотренных периодов развития эпистолярной прозы на протяжении XX – начала XXI вв. Формирование интеллигенции в России как особого социального слоя из лучших представителей дворянства и духовенства началось еще в феодальную эпоху. Согласно современным представлениям социологов, культурологов, философов, теософов (С.В. Волкова, А.В. Квакина, И.В. Кондакова, В.Ф. Кормера и др.), при определении понятия «русский интеллигент» актуализируются не объективные критерии принадлежности личности к данному страту (происхождение, образование, характер труда), а представления о ее морально-этической жизненной программе, включающей систему определенных нравственных ценностей, толерантность, трудолюбие, высокую степень личной ответственности, а также демонстрацию активной гражданской позиции и высокого уровня культуры.

Авторы рассматриваемого корпуса текстов – яркие представители русской интеллигенции – «духовно-социального явления» (Н.А. Бердяев) и исторического феномена одновременно: выступая носителями культурных ценностей и нравственных идеалов, они аккумулируют в своем сознании «культурноносную энергию народа» (Т.В. Кочеткова). Каждому из указанных авторов присущ оригинальный философский подход в восприятии мира, находящий отражение в эпистолярных текстах. Их письма – уникальная лаборатория творчества, рассматриваемая в контексте жизни, знакомство с которой представляет увлекательный и сложный процесс, поскольку «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (А.С. Пушкин). Внимание к творческому дискурсу подобных личностей всегда оправдано и актуально, так как именно такие люди составляют золотой фонд нации, не позволяют человечеству «окончательно скатиться в пропасть» (В.П. Астафьев).

2. Анализ указанного корпуса писем продемонстрировал наличие в них *авторской целевой установки* синкретичного, информативно-оценочного характера. Адресанты устанавливают и поддерживают эпистолярное взаимодействие в целях передачи собеседникам информации (личной, профессионально ориентированной, научной, общественно значимой) и выражения в связи с этим собственной рефлексии. В большинстве случаев оценочная информация оказывается количественно и концептуально доминирующей. Данный факт отражает специфику эпистолярного типа коммуникации с характерным для него универсальным принципом открытости авторской позиции в рамках обязательной для эпистолярного текста стратегии самопрезентации.

Особую значимость также имеет фактор национально-исторической обусловленности эпистолярия. Насыщенность рассматриваемого периода в истории России многочисленными разноплановыми событиями не может не служить отправной точкой в рефлексивной деятельности воспринимающего сознания. По мнению ученых (Н.А. Бердяева, А.А. Бодалева, А.А. Леонтьева, Л.С. Выготского и др.), проявляемая коммуникантами рефлексивность сознания относится к особенностям национальной межличностной коммуникации. Взаимодействие людей, в том числе посредством писем, становится не просто процессом обмена информацией (ее передачей и восприятием), но одновременно созданием некоей общности, которая может переживаться участниками в виде общего понимания ситуации, ее эмоционального притяжения/непритяжения и т. д.

Отметим, что в характере авторского целеполагания в рамках эпистолярного дискурса XX – начала XXI вв. прослеживается динамика. Установка на авторскую саморефлексию (оценку, направленную на себя как личность), характерная для писем первой трети XX века (ЭД М. Цветаевой, М. Нестерова), постепенно вытесняется в конце XX века установкой на социальную рефлексию (выражение общественно значимых оценок в эпистолярной публицистике Д. Лихачева и В. Астафьева). На наш взгляд, это связано со сменой мировоззренческой парадигмы в сознании представителей интеллигенции: переходом от демонстрации подчеркнуто индивидуалистических (эгоцентрических) позиций к осмыслению категорий массового сознания и массовой культуры и поиску точек соприкосновения с этими явлениями современной жизни. Вероятно, здесь сказалась также насаждаемая со стороны правящей партии на протяжении 70 лет идеология социального равенства и социальной справедливости.

Приведем примеры. Для М.В. Нестерова в высшей степени был свойствен *интроспективный* (посредством самонаблюдения, по Дж. Локку) подход в процессе передачи информации в письмах. Часто (особенно в позднем эпистолярии) автор прибегает к форме повествования от третьего лица. Подобный способ самоотстранения в целях более глубокого проникновения в свой духовный мир позволяет художнику передать своему адресату самую точную информацию о себе: «Однако **Нестеров** все же может быть назван тоже художником. Менее одаренный, чем В. Васнецов, **он**, быть может, пошел глубже в источник народной души, прилежно наблюдал жизнь и долгие, старательней учился, не надеясь на свой талант, как Васнецов, **он** бережней относился к своему и все время держался около природы, опираясь во всем на виденное, пережитое» [9. С. 215].

В русском эпистолярии 1900–1930-х гг. наблюдается тенденция к ослаблению некоторой значимости фактора адресатной направленности. На первый план выступает задача авторского познания собственного внутреннего мира. Например, для М. Цветаевой переписка – и вид общения, и способ самовыражения, поскольку зачастую она пишет «вне адресата», «в стол». По сути, все письма Цветаевой – один пространственный, чрезвычайно глубокий, предельно личностный, временами спонтанно возникающий, лиричный, рефлексивный диалог внутри авторского сознания.

Сторонник социальной справедливости и духовности культуры, академик Д.С. Лихачев всегда занимал активную гражданскую позицию, став в 1970–1990-х гг. одним из самых авторитетных общественных деятелей в мировом масштабе. Основную свою задачу как русского ученого-гуманитария, интеллигента Лихачев видел в привлечении внимания широкой общественности к проблеме сохранения культуры в нашем меняющемся мире, о чем неоднократно высказывался в письмах к разным корреспондентам: «Нам вовсе не нужно бояться так называемой элитарности, напротив, мы должны стремиться развивать массовую культуру на основе элитарных систем, на основе высокой интеллигентности» [10].

Таким образом, анализ характера авторского целеполагания в письмах представителей русской творческой интеллигенции позволяет утверждать, что инвариантной чертой в портрете модельной ЭЯЛ, репрезентированной в письмах конкретных авторов, является свойство *рефлексивности сознания*, проявляющейся как в образной, так и понятийно-логической форме. В рамках многих философских и психологических теорий рефлексия определяется в качестве наиболее существенного свойства сознания индивида. Динамика рефлексивной способности авторов рассматриваемых эпистолярных дискурсов свидетельствует об эволюции национально-го типа философа-мыслителя: от рефлексивного созерцателя начала XX в., погруженного в глубины интроспекции, до рефлексивного деятеля начала XXI в., чьи поведенческие характеристики основаны на доминировании в системе мировоззренческих и деятельностных установок интенций общественного характера.

3. Изучение *идейно-тематического содержания* эпистолярных дискурсов заявленных авторов позволяет очертить круг тех проблем, над которыми размышляли в своих письмах к разным адресатам русские творческие интеллигенты на протяжении XX–XXI вв., затем экстраполировать полученную информацию в сферу моделирования инварианта эпистолярной ЭЯЛ.

В рассматриваемых письмах обсуждаются волнующие коммуникантов темы: творчества, патриотизма, культурного развития нации и цивилизации в целом, нравственная и экзистенциальная проблематика, а также тема «будней», повседневности. Основным тематическим вектором является осмысление творческой личностью своего места и роли в социуме и мире сквозь призму исторических событий. Данная проблематика в процессе диахронического развертывания эпистолярного дискурса аспектируется в зависимости от событийно-исторического контекста. В эпистолярной 1900–1930-х гг. XX в. присутствует ощущение трагедийности, противоречивости личности и эпохи, открыто звучит тема *«трагического русского гения»* [9. С. 233]: «... в природе моей, как и у множества и множества русских людей, живет страсть плыть “против течения”, и, к сожалению, мне, как художнику, как свидетелю и наблюдателю явлений, бурно несущихся передо мною, больше бы пристало сидеть на берегу, занося спокойно, вдумчиво явления эти в свой альбом... А я, побуждаемый какой-то властью, но без достаточной силы, надрываюсь в борьбе с этим проклятым течением...» (из письма М.В. Нестерова) [Там же. С. 181–182]. В словах Шалапина звучит еще бóльшая грусть: «Я – человек загнанной, замученной страны, страны, которая, несмотря на трудную жизнь свою, создала великое искусство, нужное всему миру, понимаемое всеми людьми земли!.. много горячи в этой любви» [11. С. 187].

Середина века (победа во Второй мировой войне сыграла роль катализатора процессов в деятельности сознания мыслящих и рефлексизирующих русских людей) ознаменовалась созданием атмосферы относительной стабильности в жизни и ее отражением в эпистолярных творческих интеллигентов. Например, в послевоенных письмах Ю.М. Лотмана тартуского периода значительное место занимает освещение *«дел семейных»* [12. С. 292], сообщения о здоровье, жизненных планах детей, внуков: «*Наши будни: Гришка болен гриппом, а Алеша наелся стекла – гадаем: проглотил или нет? Весело*» [Там же. С. 175]. Звучащий в каждом письме оптимистичный, жизнеутверждающий пафос – это черта и конкретной личности, и в целом поколения, пережившего самую страшную войну в истории человечества и победившего в ней: «*Жизнь нас бьет в главное уязвимое место – отучает радоваться. Тогда мы и погибаем. Усталость вытесняет радость. А надо сопротивляться, бороться за радость и не забывать, как мы, неблагодарные, часто делаем, что радость вокруг нас*» [Там же. С. 396].

Духовный кризис 1990-х гг. – начала XXI в. явился мощным толчком для появления в письмах русских интеллигентов эсхатологических мотивов. Особенно выразительные примеры находим в эпистолярной писателя-публициста В.П. Астафьева. Огромной силы публицистический пафос звучит в высказываниях автора на тему *«смертельно больной»* [13. С. 603] России, *«мало кому понятного истинно русского мира»* [Там же. С. 830], когда Астафьев размышляет *«о России и обо всех нас, горьких жителях этой неприкаянной отчизны»* [Там же. С. 833]. Современное состояние жизни Астафьев характеризует как *«хаос, раздор, хамство, воровство»* [Там же. С. 655], *«расхватуху, мародерство»* [Там же. С. 736], отмечая, что *«в этой современности так тянет иной раз скорее сдохнуть, что и хорошая погода не помогает»* [Там

же. С. 681]. Однако, давая волю сарказму, писатель остается подлинным гуманистом, исполненным веры в собственный народ, частицей которого себя ощущает.

Таким образом, выдвигание в качестве ключевой темы осмысления творцом своей роли в социуме и мире в контексте исторической, экзистенциальной и эсхатологической проблематики можно считать одним из аспектов характеристики модельной ЭЯЛ, варианты репрезентации которой находят свое выражение в эпистолярных дискурсах конкретных представителей русской творческой интеллигенции XX – начала XXI вв.

4. Фактор *типологической характеристики* эпистолярного текста также в значительной степени определяет специфику инварианта ЭЯЛ в синхронии и диахронии. На протяжении всего рассматриваемого периода прослеживается устойчивая тенденция к преобладанию *частного письма*, обладающего широким спектром характеристик и полным соответствием эпистолярным коммуникативным универсалиям. Этим обусловлена востребованность данного типа текста в пространстве межличностной и социальной коммуникации.

Частное письмо позволяет коммуникантам вступать в неофициальную коммуникацию с присущими последней содержательной открытостью и свободой авторского самовыражения. Сфера личных (реже – общественных, с установкой на публичность) интересов в частном письме является доминирующей, позволяя определять данный тип текста как «интимный диалог» (Н.А. Ковалева): «*Общаться по-русски значит приблизительно “разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта”*. При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть “о главном” – речь может идти и о пустяках; так как главное в общении – именно поддержание контакта, ощущение *общности*» [14. С. 280].

В свете сказанного считаем необходимым дополнить портрет эпистолярной модельной ЭЯЛ такой чертой, как *способность к интерактивному, регулярному, эффективному личностно ориентированному взаимодействию*.

5. Эпистолярная коммуникация – векторный тип межличностного взаимодействия, направленность которого на конкретного адресата текста очевидна. Проявляется это в первую очередь в присутствии такого обязательного структурно-композиционного элемента, как обращение автора к своему корреспонденту в пределах *циклов писем* – совокупности текстов, относящихся к переписке с определенным адресатом. Преобладающий *тип адресата* в контенте рассматриваемых писем – *частное лицо*, с которым автора связывают родственные или дружеские отношения. Анализ писем демонстрирует способность авторов осуществлять выбор коммуникативных тактик и стратегий, наиболее целесообразных и эффективных в конкретных ситуациях общения, переключать «коммуникативные регистры», успешно общаться с собеседниками, принадлежащими к различным психологическим типам и имеющими собственный взгляд на события. Адресанты проявляют в эпистолярном взаимодействии целый ряд качеств, свидетельствующих о высокой степени нравственности и гуманизма лучших представителей русской интеллигенции, соответствии их поведения этическим нормам: терпимость, доброту, благожелательность, скромность, такт, отсутствие эгоизма.

Например, эпистолярный В.С. Высоцкого демонстрирует авторскую установку на достижение гармонии в эпистолярной коммуникации. Ориентация на искренность и честность как основная поведенческая установка Высоцкого во всей полноте проявляется в пространстве эпистолярного взаимодействия. Этого же он требует и от своих корреспондентов: «*Васечек! Обиды – ну их на фиг! Не писал я тебе долго, это правда, но ведь и ты мне, если разобратся, – одно ругательное письмо, но и две телеграммы – извинительную и поздравительную... Не писали, значит, не писалось, а вот сейчас – пишется*» (из письма к И. Кохановскому) [15. С. 320].

Таким образом, дискурсивный параметр «ориентация на конкретного адресата» определяет присутствие в характеристике модельной ЭЯЛ, выделенной в рамках русского эпистолярного XX – начала XXI вв., такое свойство, как *высокий уровень коммуникативной компетентности*.

6. Чрезвычайно значимым для моделирования эпистолярного инварианта ЭЯЛ является фактор функционально-стилистических свойств дискурса, в рамках которого осуществляется ее текстовая деятельность. На основе предложенной нами концепции стилевой трансформации эпистолярного жанра [6] все рассмотренные эпистолярные дискурсы демонстрируют тенденцию к *стилевому синкретизму* в виде вариантной реализации жанрового канона в дискурсе оп-

ределенного автора. Стилиевой синкретизм эпистолярного жанра возникает на основе объединения в рамках одного дискурса нескольких стилистических составляющих. Одна из них – *разговорная* – имеет *генетическую* и *историческую обусловленность*, а потому определяется нами как *аутентичная, собственно эпистолярная*. Другие составляющие можно считать *дискурсивно производными, неаутентичными* (например: художественная, научная, официально-деловая, публицистическая, церковно-религиозная, рекламная, политическая и пр. составляющие). Появление последних связано с особенностями функционирования эпистолярных текстов в рамках несвойственных для них дискурсов и мотивировано комплексом экстралингвистических факторов.

В рамках рассмотренного исторического времени в числе синкретичных количественно преобладает *эпистолярно-литературный* тип (дискурсы М.В. Нестерова, Ф.И. Шалапина, М.И. Цветаевой, Ю.М. Лотмана, Д.Д. Шостаковича, В.С. Высоцкого, А.С. Демидовой). Выделены также *эпистолярно-научный* (дискурсы В.И. Вернадского и М.Л. Гаспарова) и *эпистолярно-деловой* (дискурс Алексия I) типы. Важно отметить, что к концу XX в. в стилиевой природе русского эпистолярного жанра наблюдается усиление черт синкретизма, что находит отражение в появлении таких сложных в стилиевом отношении типов, как *эпистолярно-литературно-публицистический* (дискурс В.П. Астафьева) и *эпистолярно-публицистически-деловой* (дискурс Д.С. Лихачева) (подробнее: [6]).

Сказанное позволяет говорить, с одной стороны, об обязательной дискурсивной обусловленности эпистолярного инварианта ЭЯЛ («привязкой» к определенному аутентичному типу дискурса – разговорному в письменном варианте его существования), с другой – об открытом характере этой дискурсивной соотнесенности. В связи с этим мы квалифицируем модель эпистолярной ЭЯЛ как *в относительной степени свободную в своих дискурсивных проявлениях*, а значит, сформированную, «зрелую», но находящуюся в постоянном развитии, совершенствовании в сторону усложнения своих свойств.

7. Эпистолярный представитель творческой интеллигенции демонстрирует высокий уровень владения *речевой культурой*. Тем более это становится очевидным на фоне сопоставления с широкомасштабной агрессией современной массовой культуры. Эпистолярный дискурс ЭЯЛ видится тем пространством межличностной вербальной коммуникации, которое оказывается средой «выживания интеллектуала в эпоху массовой культуры» (С. Корнев). С этой точки зрения очень показательны строки из книги Аллы Демидовой «Письма к Тому»: *«Часть писем нашлась, часть нет, но какая-то линия переписки с начала 90-х годов по 2005-й выстроилась. Потом мы перешли на нелюбимый мною Интернет, и обычные письма перестали существовать»* (выделено нами – А.К.) [16. С. 5–6].

В частности, речевое мастерство элитарных эпистолярных авторов проявляется в умении использовать в своих текстах средства речевой образности. Например, безусловной эстетической ценностью обладают письма М.И. Цветаевой. Чрезвычайно мощно в синкретичной стилиевой природе эпистолярного жанра заявляет о себе литературно-художественная составляющая. Лирическая форма выражения коммуникативных установок делает эпистолярное слово Цветаевой максимально выразительным, ассоциативным, образным. Большую роль в этом плане играет особое отношение автора к слову, тяготение к структурно-семантическим трансформациям узувальных элементов, создание развернутых слово-образов, умелое использование коммуникативного потенциала лексических единиц. Приведем примеры: *«... когда я сейчас ходила по пляжу, волна явно подлизывалась»* (индивидуально-авторская метафора) [17. С. 255], *«А потом – пустой лист – и наполненная пустота»* (оксюморон) [Там же. С. 565], *«Похороны Т.Ф. Скрябиной. И вот провожаю ее большие глаза в землю»* (синекдоха) [Там же. С. 224], *«Он сам – как дикий зверек, всех сторонится»* (сравнение) [Там же. С. 319], *«Вы говорите: женщина. Да, есть во мне и это. Мало – слабо – налетами – отражением – отображением»* (амплификация) [Там же. С. 616], *«И Вы от стиха до стиха умираете. (Оттого «последность» – каждого стиха!»* (оказиональная лексика) [Там же. С. 235], *«Ваша тайная страсть – протрапиться до нитки»* (трансформация фразеологизмов) [Там же. С. 233], *«Вы уже однажды так исчезли – на Девичьем Поле, на кладбище: изъяли себя из»* (переход слов из разряда служебных в самостоятельные части речи) [Там же. С. 231].

Добавим, что текстовая компетентность автора письма предполагает также способность эффективного использования графических (в том числе пунктуационных) средств, поскольку каждый эпистолярный текст имеет свой неповторимый индивидуальный графический образ, который первым попадает в поле зрения воспринимающего сознания. О важности графических единиц как определенных квантов смысла для самих авторов свидетельствуют авторские метакомментарии. Так, М. Цветаева пишет по этому поводу: «Теперь, внимательно – что изменилось? (И, опуская все:) Будущего нет? Но – – **Больше этих трех тире не скажу**» [Там же. С. 615].

Итак, важной составляющей модельной ЭЯЛ, созданной на основе анализа эпистолярных представителей русской интеллигенции, выступает их риторическое мастерство, выражающееся в оправданном и эффективном использовании стилистических ресурсов языка, графических единиц.

Таким образом, на материале переписки с разными адресатами лучших представителей русской творческой интеллигенции была предпринята попытка моделирования инварианта ЭЯЛ в аспекте его дискурсивных особенностей с учетом динамики в рамках значительного временного периода – XX–XXI вв. На основе определенных дискурсивных параметров названы черты модельной ЭЯЛ, которые репрезентируются в эпистолярной деятельности конкретных авторов: рефлексивность сознания, высокий уровень коммуникативной компетентности и риторического мастерства, свобода дискурсивных проявлений. Ключевой статусной характеристикой данного инварианта выступает принадлежность к кругу отечественной творческой интеллигенции, размышляющей в пространстве личностно ориентированного эпистолярного взаимодействия о роли творца в обществе и истории.

Перспективы исследования связаны с укрупнением объекта исследования посредством обращения к моделированию эпистолярной ЯЛ, дальнейшим углублением представления о ее различных типах с точки зрения жанрового, стилистического и дискурсивного компонентов в синхронии и диахронии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. – Вып. 25. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. – С. 151–160.
2. Сиротинина О.Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта [и др.], 2003. – С. 343–347.
3. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте: моногр. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1998. – 216 с.
4. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: моногр. – СПб.: СЗАГС; Саратов: Научная книга, 2005. – 431 с.
5. Болотнова Н.С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: лекция. – СПб.: Образование, 1992. – 17 с.
6. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2013. – 40 с.
7. Белунова Н.И. Категория речевого общения и особенности ее реализации в тексте дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца 19 – начала 20 веков): Научные доклады высшей школы // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 78–88.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: моногр. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. Нестеров М.В. Из писем. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1968. – 452 с.
10. Лихачев Д.С. Письма 1986–1998 годов // Наше наследие: историко-культурный журнал. – URL: <http://www.nasledie-rus.ru> (дата обращения: 12.06.2014).
11. Шаляпин Ф.И. Сборник материалов: в 2 т. / ред.-сост. и автор коммент. Е.А. Грошева. – Т. 1. Литературное наследство. Письма. И. Шаляпина. Воспоминания об отце. – М.: Искусство, 1960. – 768 с.
12. Лотман Ю.М. Письма: 1940–1993 / сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. Б.Ф. Егорова. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 800 с.
13. Астафьев В.П. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. – М.: Эксмо, 2012. – 896 с.

14. Зализняк А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Заметки о словах общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280–288.
15. Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 4 т. / ред. Т. Тимакова. – Т. 4. Проза. – М.: Время, 2011. – 400 с.
16. Демидова А. Письма к Тому. – М.: АСТ: Зебра Е, Полиграфиздат, 2010. – 396 с.
17. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – Т. 6. Письма. – М.: Эллис Лак, 1995. – 800 с.

Поступила 01.07.2014 г.